

Юрий Цаплин
Україна, Харків

Juri Zaplin
Ukraine, Charkiw

Вариация птицы

Избранные стихотворения 2006–2017

* * *

Бог есть, так оказалось. Но мы не его дети. Он усыновил нас.
Не создания: то ли сами произошли, то ли зачал нас кто-то другой.
Усыновление можно оспорить. Подрастём и подумаем.
А пока —

И не важно, что пишут в рассылке газового скопления.
Передают по телексу Гиперпетли.
В нашем дворе —

Солнышко за лифтовой будкой то спрячется, то покажется.
Эхинацея колетса на краю скамейки.
Красная рута чернеет...

Всё, что взлелеяно, — расцветёт, отцветёт.
Мироздание выдаст всех замуж за сингулярность —

Но это детали. Главное, бог, оказалось, есть. Можно расслабиться.
Мы цветы, хоть и в приёмном покое.
Без приданого. Но приданое-то мы выткем.
Выдуем пыльцой, выпростаем, музычкой пустим по ветру...

* * *

давайте поговорим о том, о чём мы раньше молчали
но теми же словами

давайте поговорим о том, о чём мы раньше молчали
но теми же словами
э, нет, а получится ли? словами ли? чем? давайте этим
бу-бу-бу бу-бу-бу бу-бу-бу бу-бу-бу
хорошо хорошо хорошо

давайте поговорим о том, о чём раньше молчали не мы

а другие а что делали мы они молчали мы не замечали
что они молчат а ведь нам было чем заметить что им почти уже нечем
молчать они измолчались мы изнезамечались давайте давайте теперь
пока уже поздно и сумерки так спокойны то есть только на вид
как наше незамечание и их молчание сумерки напряжены мы
осторожны и все устали давайте уже темнеть а потом светать

давайте темнеть а потом светать
бу-бу-бу бу-бу-бу бу-бу-бу
хорошо хорошо

давайте темнеть и этим светать
вот вечно с прожектами ожиданием тёмного светлого чуда
его не бывает и не было нет хотя надо а надо чтобы не было надо и это
и значит светать и темнеть надежда надеяться но не иметь заблуждений
и чтобы росла она из другого какого-то счастья жаль что его не видно бу-бу-бу
бу-бу-бу хорошо

воздух сентябрьский
воздух сентябрьский давайте

и им

* * *

Внутри тебя, неизвестный,
живёт мой старый друг.
С ним говорю,
и он отвечает мне.
Немногословен:
мало что есть сказать.
Глядим
с прошлой приязнью
сквозь запотевшую пустоту
предпочтений и раздражений.
И на секунду кажется —
сделанный выбор ничего не стоит
(а он стоит, и мы заплатили, и будем платить).
И ещё на минуту —
что понимаем друг друга,
что не себя, а другого,
что мы...

Случай на краю

этот мир не красив но прелестен
сказал старик
сидя
на краю песочницы
рядом стоял металлический таз с раствором
раствора чуть-чуть не хватило
старик с подмастерьем ставили унитаз на седьмом этаже
что же вы делаете
спросила прелестная дама
это же наш песок
для наших детей
не для стариков
а ещё собаки ходят и гадят
я знала одну
восхитительная красавица
унитаз
сказал старик
мы ставим унитаз
а может быть
всё же
этот мир ничего

Вариация птицы

Е. К., П. Г.

Люди прощаются враг со врагом
По плацкартам садятся бегом
Не надо было на чужих жениться
И за далёких замуж выходить
Поезда через границы границ
Шьют пространство и колются больно
Семена в карманах для земли и для древних
Надо было уезжать ещё дальше
И забыть дорогу назад
Поезда помогают сердцам стучать
Семена в карманах для земли и для предков
Для древних рас и для будущих нас
Надо было улетать ещё выше
Петь погромче, склевать все, кроме одного

Живые прощаются. Семечко уезжает
Я знал, кого мне нельзя любить
Я был очарован вокзальным оркестром
Глядя на него как бы издали сверху
Она доносится, музыка, хотя оркестр увезли
Слыша как бы из будущего:

Видя как бы из прошлого:

И эти кулёчки из нотных листов
Отсыпь мне нежареных в тот, что поменьше
Вокзал, возможно, уже пристрелян
А лейтенант талантлив
Люди прощаются, переодеваются в чистое, садятся, ложатся

27.6.2016, Черновцы — Новоселица — Ларга

* * *

пойдём погуляем с фотоаппаратом
приватизируем ещё немножко реальности
с неё не убудет вам не пригодится
ни с нею ни с нами ничего не случится

пойдём удивимся реальности чтобы
когда-нибудь кто-нибудь нам удивился
здесь побили судью здесь поэт удавился
надо было делиться мы будем делиться

* * *

На свалке смрадно горят покрывки
Но на краю — на опушке
уютно трещат дровишки
Человек варит суп из собачьей тушки
Завтрак, обед и ужин
в лучшем случае

А в худшем
Помру как собака
в аду
У плоти в плену

И глядя на чудом
удержавшиеся в утреннем небе звезду
и Луну
Хочется то ли взвыть, не то встать
побыстрее хоть духом, хоть дымом
Деревья бесцветны
Покрышки грешны
Собаки вкусны
Законы неутолимы

И жизнь расстилается, топорщась под ветром,
на многие га

Но скоро январь
скоро холод
скоро снега

* * *

Юноша деву везёт на санках
Девушка тонконога, шапка ей велика
Голос её звучит тридцать зим назад
Чьи-то отпечатки в снегу: большого человека (он разводил руками) и человека
поменьше
А вот мужчина дрожит напряжённым лицом
А вот кто-то таксу понёс за пазухой
Мы думали, сад прорастает сквозь нас, но мы проросли сквозь сад

* * *

«Жизнь удалась, но какая-то не удалая,
просто такая какая-то жизнь», —
думается человеку несмешная
недлинная мысль.

Чья это мысль заводная, почём я знаю,

кто из нас человек.
Время идёт, пространства запоминая (сминая?):
тёмное небо и серый снег.

Всё это город из давнего сна и
пригород из чужого кошмара.
У магазина стоит кривая сосна,
за хлебом бежит ребёнок Тамара

и поёт:
«Жизнь удалась, но какая-то не смешная,
просто какая-то очень красивая
скоро весна, скоро наступит весна...»

Весна

на Салтовке много сорок
но мало на Холодной горе
едва зеленеет трава
и мать-и-мачеха на горе

огромные ив облака
розовые — берёз
а в небе ни облака
у сороки — зелёный хвост

и синие с отливом крылья
она — попугай этих тропиков
на лотке, среди луж, но уже в пыли
лежат бананы — привет из тропиков

* * *

Между тополями и липами
ходить по автомобильной дороге.
Потому что на тротуаре солнце
и всюду небо.

Магазин «Рыбалка».
Офис курдской общественной организации.
Громяхающий трактор

в полосках и бутсах испанской сборной.

Ровный курортный жар
над микрорайонами мегаполиса.
(Так ли и мы малы,
как нас много?)

Арбузы по два пятьдесят.
Телефон, не принявший вызов.
Магазин «Горилка».
Реклама чая и кофе.

В отделении убитого банка
жива, но стареет операционистка.
Неужели и этот день?
(Необратим, но мы не об этом.)

* * *

Нет, отчества не умерли, и даже если
уснут, то сладок будет их сон,
сладок и живописен: художники не преминут
изображать его то в уголочке,
то на втором или третьем плане широких панорамных картин
нашей будущей жизни, и ветшающие имена отцов,
как старосветские помещики,

навеют золотую дрёму укороченному теперь (в ширину? в высоту?)
восточнославянскому миру и примкнувшим к нему фалангам.
«Мы выкорчевали корни, чтобы быстрее ходить!» —
смешно напишет публицист консервативного толка,
один из последних, чья семья занимается домашней консервацией
и рекреационным до одурения воскресным огородничеством:
банки солений, тыквы на высоких шкафах, мягкие шестерни патиссонов,
уютно перемалывающие запылённое местное время.

Но даже после, через век или два, в этой неразличимой уже бывшей паузе
между именем и фамилией
не перестанет что-то фантомно болеть (душа, догадается читатель кабачковой
икры, там тоже жила душа!
с тех пор окончательно перебравшаяся в пароль к почтовому ящику,
предстательную железу и пятки).

* * *

Чешуя твоих мнений,
чешуя моих мнений
взаимозацепились
и мешают нам плыть.
В разные стороны:
тебе к истоку, мне к устью.
Мы стоим поперёк потока.
Напряжены
наши тела.
Под какой-то корягой.
Наши воззрения
неразличимы.
Что значат воззренья во тьме?
Символы, а не те, кто их читает, —
но нас некем прочесть.
Чешуя скрежещет
от счастья.

С нёба на нёбо

я расстраиваюсь, когда что-то случается
например, погибает много людей
день оказывается испорчен
уже не повеселишься
остроумная шутка черствеет втуне
но можно нежиться под лучами солнца
можно поужинать в подвальной столовой
можно сказать, что продолжаешь быть собой и за них
занимаясь чем-то простым, чем-то, что у вас точно было общего
можно подняться, споткнувшись на улице
я расстраиваюсь, когда в моей жизни не происходит ничего

* * *

Расслабься и получай удовольствие
Расслабься и получай
Расслабься

Как тебе кажется
Мне никак

Расслабься и получай удовольствие
Расслабься и получай
Расслабься
Мы так считаем
Считаем мы

Расслабься и получай удовольствие
Расслабься и получай
Расслабься
И соберись
Соберись и подумай
Приди на площадь
Мы тоже там соберёмся

Расслабься и получай удовольствие
Расслабься и получай
Расслабься
Оторвись

Расслабься, получай удовольствие
Получай
Получай
Расслабься
И оторвись от земли

Расслабься и получай удовольствие
Поднимаясь над собственными сомнениями, мечтами и телом
Расслабься и получай удовольствие
Улетая над площадью мимо лайт-боксов, флагов и транспарантов
Расслабься и получай удовольствие
Ты наш Мы вместе Всё — одно
Расслабься и получай удовольствие
Опускаясь на дно

* * *

Дрейфуя в сторону Великого аттрактора,
плывя в направлении сверхскопления Шепли
со скоростью шестьсот километров в секунду,
мы смотрели сериалы (ведь надо же что-то делать).
Не помогло. Помогало, но не помогло.

Читали книжки. С трудом — на чужих языках,
две или три, защищали туман своих взглядов
и облачко своих денег, не ходили ни в баню,
ни в тренажёрный зал (так почему-то сложилось),
но любили подолгу гулять и шутить.
Танцуя в направлении Великого аттрактора,
припрыгивая в сторону сверхскопления Шепли...
Помнишь сосновые рощи? Помнишь счастье? Помнишь соловьи?
Помнишь другие слова, которые я начинаю забыть,
но нахожу после паузы, что-то мыча («несказанное»? «вочеловеченье»? «хряп»?),
и этот воздух, прозрачный не так уж часто, но тем честней?
Посвистывая в сторону Великого аттрактора,
умолкая в направлении сверхскопления Шепли...

* * *

Здесь никого нет.
Здесь никого есть.
Здесь некого есть.
Здесь никого нет.
Где никого нет,
там никого есть.
Где никого, есть
там некого, нет.
Только музыка сфер,
бязь печальных квадратиков.
Только музыка сфер,
зыбь тишины.
Только хруст тишины.
Тонкий стук тишины.
Тихий треск тишины.
И, наконец, тишина сломалась.
Но кто хрустел тишиной,
если здесь никого нет?
Кто сломал тишину,
пока никого не было?
Кто? Найдём и съедим.
Вы? Найдём и съедим.
Ой, это я, нечаянно.
Извините, больше не будем.
Простите, нас больше нет.
Прощайте, нас уже нет.
Теперь здесь некому есть никого.

Только музыка.
(Что-то чавкает.)
Только музыка.

* * *

За стенкой спит человек.
Человек храпит тихонько.
Человек приехал отдыхать.
Человек отдыхает.
За тонкой фанерной стенкой,
обшитой снаружи вагонкой.
По фасаду человек утеплён
слоем минеральной ваты.
За стенкой спит человек.
Он выпил минеральной воды,
и много чего ещё,
и присвистывает тихонько.
А за стенкой не спит человек.
Он приехал устать, он пишет
стихотворение «О человеке за стенкой».
Человек обшит по фасаду
выдохнутыми секундами
и входящими сообщениями.
За стенкой спит человек.
Он взял напрокат день лета.
Он стареет, ветшает, уходит...

* * *

Когда наступит Апокалипсис,
на трубе в городе Смеле
будут играть не ангелы,
а мой дядя.

В пятидесятых
он уже играл там в оркестре.

Участвовал в факельных шествиях
(когда придёт Апокалипсис, возможно, устроят ещё одно).

Был коммунистом,
изучал магнетизм,
держал пчёл

и маленькую часть мира в своих руках.
Потом отпустил.

И теперь
иногда
в городе Смела
по утрам
можно услышать трубу —
почти ниоткуда,
и удивлённо крутить головой.

Или прохладной ночью
на берегу
увидеть мерцание тёплых огней.

Лестничный марш запятых

Всё началось
в точке кристаллизации
Через несколько микросекунд
там выросло что-то, похожее на запятую
Запятая росла
и превратилась то ли в чёрточку, то ли в латинскую эль
От которой, в свою очередь, отделилась точка
(образовав то ли *i*, то ли восклицательный знак)
Эта точка снова развилась в запятую

и так далее
На наших, изумлённых исследователей, глазах
поднимался ряд вертикальных тире
Словно крик, или стон, или вой, устремившийся вверх
Или вопль
Или марш
Лестничный пролёт
(А ещё говорят
в нашем обществе нет лифтов социальной мобильности)
Пунктир забирался всё выше
В конце его не было стрелочки
Там снова была запятая

Стихотворение

я умный и тонко чувствующий
так получилось
я заметил в себе и в мире много интересных вещей
так получилось
и рассказал вам о них
как получилось
теперь мне уже получше
(получилось!)
или нет
(не получилось)